

— Да, это я заставил их удалить эти посты. Но какой смысл спрашивать меня об этом? — спросил Ло Сяолун.

С тех пор как появились неоспоримые доказательства употребления им наркотиков, он становился все более мрачным и взволнованным.

— Из-за моего старика поднялся такой переполох, а он даже не подумал, что сделал что-то плохое! Он просто затаился на несколько дней, потом взял камеру и снова пошел снимать горячих цыпочек. Только мне и моей маме было стыдно!

Минг Шу легонько постучал по столу. Его выражение лица было неизменным и нечитаемым.

— Все, что тебе нужно сделать, это рассказать нам все, что ты знаешь. Ничего не упусти.

Ло Сяолун напрягся, как будто внезапно осознал происходящее.

— Это как-то связано с тем, что старик был убит?

— Ты сейчас не в том положении, чтобы задавать вопросы, — сказал Минг Шу. Хотя он был молод, его холодное выражение лица выдавало в нем непреодолимую сущность элитного полицейского детектива. — Единственное, о чем ты должен сейчас беспокоиться, это о сотрудничестве с нашим расследованием.

Шея Ло Сяолуна вжалась в плечи. Он быстро уклонился от взгляда Минг Шу. Прошло почти три минуты, прежде чем он наконец заставил себя заговорить снова.

— Я был за городом, когда все это произошло. Это был друг, который прислал мне ссылку, — сказал он. — Я был напуган до смерти. Если этого старика найдут, он не единственный, кто пострадает. Я бы никогда не оправился, если бы информация о нашей семье была разглашена по всему Интернету. Поэтому я обратился ко всем контактам, которые у меня были, и даже потратил кучу денег, только чтобы вычистить эту историю и похоронить эти сообщения. Понятно, что избавиться от всех постов было невозможно, но те немногие, что остались, были разбросаны повсюду. К тому же, эта история не была такой уж горячей, так что "охота на человека" так и не началась.

— После того, как ты удалил посты, — сказал Минг Шу, — ты рассказал об этом Ло Сяофу?

— Конечно, я сказал ему! — огрызнулся Ло Сяолун. — Он ни хрена не сожалел об этом. Он даже сказал, что я слишком остро реагирую и что это просто какой-то незначительный вопрос!

— Он когда-нибудь говорил с тобой о деталях того, что произошло в день, когда его записали?

— Дайте мне подумать об этом... — Ло Сяолун покачал головой и вздохнул. — Честно говоря, какие могут быть подробности? Он просто пошел за этой женщиной, потому что ему показалось, что она выглядит мило со своим ребенком, и на них были одинаковые наряды матери и дочери. Ему нужно было получить их фотографию, он не принял бы отказа. Моя мама сказала, что это не первый раз, когда происходит что-то подобное. Я имею в виду, подумайте об этом. Мой старик был просто старым чудаком. Многие люди, вероятно, не хотели, чтобы он их фотографировал, но просто не могли с ним спорить. Инцидент из того видео, который стал вирусным, раздулся только потому, что он случайно столкнулся с кем-то, кто действительно не хотел, чтобы он ее фотографировал. И там был ее ребенок, который плакал. Это и привлекло кучу зрителей, которые начали записывать и выложили видео в сеть.

Офицер, отвечавший за запись этого допроса, была женщиной. Она молча покачала головой и с недовольным видом слушала, что говорил Ло Сяолун.

Минг Шу задал еще несколько вопросов, но Ло Сяолун не смог сказать ему ничего полезного.

— Старик не мог быть убит из-за чего-то подобного, — настаивал он. — Верно? Верно? Это было не так уж и важно!

— Тогда что, по-твоему, могло побудить кого-то убить твоего отца? — возразил Минг Шу.

У Ло Сяолуна не было на это ответа. Его взгляд снова метнулся влево и вправо, и он неуверенно потер руки.

— Тогда... тогда вы, ребята, должны привести сюда эту женщину и допросить ее! Если она действительно была той, кто убил моего старика, то я... я хочу, чтобы она была наказана по закону!

— Теперь ты хочешь сыграть роль сыновнего ребенка? — Минг Шу сверкнул холодной, непрощающей улыбкой. — Где была твоя сыновняя почтительность, когда ты пришел просить у Ло Сяньфу денег? Когда ты толкнул его и ударил?

Мгновенно выражение лица Ло Сяолуна исказилось и превратилось в уродливую маску.

Минг Шу лишь бросил на него последний взгляд, после чего повернулся и вышел из комнаты для допросов.

Проработав столько лет в правоохранительных органах, Минг Шу слишком часто сталкивался с такими людьми, как Ло Сяолун. Нельзя сказать, что такие люди, как Ло Сяолун, не обладали ни каплей сыновней почтительности. Но этого было слишком мало и слишком поздно. То уважение, которое он питал к отцу, было, по меньшей мере, неискренним.

Все это было корыстной выдумкой.

Иногда Минг Шу думал о том, что и сам не отличался сыновней почтительностью.

Опыта быть почтительным сыном любящего, заботливого отца у Минг Шу в юности не было. Когда он рос, люди, которые всегда были рядом с ним, не были его матерью и отцом. Вместо этого он рос в окружении старших братьев и сестер соседней семьи Сяо.

Он рос, полагаясь на Сяо Юаня.

Поскольку он был единственным ребенком, его семья состояла из родителей, бабушки и дедушки. Когда он был младше, он был несколько хрупким и склонным к болезням. Часто для того, чтобы простудиться, достаточно было просто смены года. Его дедушка и бабушка по отцовской линии были военными ветеранами. Они были холодными, суровыми и строгими и считали частые болезни Минг Шу признаком слабости, но ничего серьезного, о чем стоило бы беспокоиться.

Поэтому, когда он простужался, Минг Шу всегда скрывал это и терпел в одиночестве столько, сколько мог. Когда он, наконец, не мог больше терпеть, он тайком вылезал через окно и убегал к Сяо Юаню в соседний дом.

— Геге, — жаловался он. — Я сейчас умру.

До сих пор Минг Шу отчетливо помнит выражение, которое появлялось на лице Сяо Юаня. Это было выражение шока, беды и беспомощности.

Затем Сяо Юань обнимал его, брал на руки и отвозил в больницу.

Тогда Сяо Юань был еще довольно худым, по сравнению с тем, каким он стал сейчас. Но Минг Шу до конца своих дней не забудет тепло, которое он ощутил в этих объятиях.

Дело было не только в том, что он боготворил Сяо Юаня и вспоминал те моменты как нечто лучшее и более глубокое, чем они были на самом деле. Родители Минг Шу действительно никогда не уделяли ему много внимания, и он вырос, не придавая особого значения своим кровным узам.

Поэтому, когда ему было семнадцать или восемнадцать лет, ему было легко выбирать между семьей и Сяо Юанем. Он пошел бы по стопам Сяо Юаня, даже если бы это означало отречение от семьи и окончательную потерю связи с ней.

Хотя сейчас он был в лучших отношениях со своими родителями, их отношения нельзя было назвать счастливыми и гармоничными, как во многих других семьях. Между Минг Шу и его родителями было принято не вмешиваться в жизнь друг друга.

Человек, который поддерживал его на протяжении всего детства и ранней взрослой жизни,

тот, кто будет идти с ним по одному пути до конца жизни, — это Сяо Юань.

Минг Шу вдохнул, резко приходя в себя. Он слышал, как И Фэй зовет его откуда-то издалека.

Женщина в желтом платье из вирусного видео с Ло Сянфу была доставлена в отдел тяжких преступлений.

Женщину звали Вэнь Яо, и ей было двадцать семь лет. Она была матерью-одиночкой, работавшей в частном доме престарелых, и ее дочери было четыре года.

Команда, которая ее привезла, хотела отвести ее в комнату для допросов. Но Минг Шу взглянул на нее и увидел, какой нервной и испуганной она выглядит. Он пригласил ее выйти на балкон, предложил ей присесть под зонтик, заслоняющий столик во внутреннем дворике, и поставил перед ней бутылку лимонада со льдом.

— Спасибо, — сказала Вэнь Яо с настороженным выражением в глазах. Она обхватила бутылку лимонада обеими руками, но не сразу открыла крышку.

— Мы вызвали вас сегодня, — начал Минг Шу, используя теплый и мягкий тон, — чтобы понять, что случилось с вами и вашей дочерью в августе прошлого года, когда вы столкнулись с уличным фотографом.

Это был тон, к которому он очень привык. Он скопировал его у Сяо Юаня.

Несмотря на этот тон, Вэнь Яо мгновенно стала более напряженной и встревоженной. Но перед ней сидел красивый, теплый и, казалось, мягкий детектив. Постепенно она начала возвращать себе спокойствие.

— Это случилось так давно, — сказала она, — и я не сообщила об этом в полицию. Почему вы расследуете это сейчас?

Дело о трупке, обнаруженном в старом парке развлечений, не было доведено до сведения широкой общественности, и, естественно, личность покойного тоже держалась в секрете. Если Вэнь Яо не имела никакого отношения к этому делу, то вполне естественно, что она не знала, что мужчина, который домогался ее в прошлом году, уже мертв.

Минг Шу только покачал головой, не отвечая на ее вопрос.

— Вы все еще помните тот случай, когда вас остановил тот старик?

Вэнь Яо подсознательно сжала пальцами бутылку в своих руках.

— Конечно, помню, мне было противно. Если бы я была одна, я бы позволила ему сфотографировать меня. Но со мной была моя дочь, и я не хочу, чтобы моя дочь попала в объектив такого человека!

— "Такого человека?" — переспросил Минг Шу.

— Детектив, — неожиданно начала Вэнь Яо, — вы думаете, что все пожилые люди автоматически заслуживают любви и уважения? А как насчет мерзкого и ядовитого типа пожилых людей?

Минг Шу откинулся в кресле и терпеливо ответил:

— Я бы хотел услышать ваши мысли по этому поводу.

— Я не стану отрицать, что в этом мире есть добрые и благородные пожилые люди", — сказала она. — Но есть еще больше пожилых людей, которые являются отвратительными, мелкими, ненасытными зверями!

Вэнь Яо становилась все более взволнованной по мере того, как она говорила. Выплюнув всего несколько слов, она уже покрылась мурашками.

Минг Шу внимательно изучал ее, потирающую ладонями мурашки на руках.

— Я сталкивалась с большим количеством стариков, как тот, что приставал ко мне. У них у всех одинаково отвратительное выражение глаз. Этого достаточно, чтобы меня стошнило! — Вэнь Яо продолжила: — Думаете, старики теряют свои извращенные желания? Нет, определенно нет! Стареют только их тела, все остальное...

По мере того, как она продолжала свою тираду, щеки Вэнь Яо покраснели от гнева.

— Именно потому, что их тела стали старыми и хрупкими, они начинают пялиться на молодых женщин с еще более мерзкими и развратными взглядами в глазах! Этот тип людей... Я действительно встречал их очень, очень много!

Минг Шу вспомнил, что Вэнь Яо работала медсестрой в доме престарелых. Похоже, ежедневное тесное общение с пожилыми людьми уже привило ей необратимое чувство отвращения.

— Когда эти люди стареют, они становятся монстрами. — Вэнь Яо сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, а затем продолжила: — Скажу прямо. Я ненавижу всех этих стариков, которые проводят свои дни, фотографируя девушек на улице. Они строят из себя благородных, постоянно говорят о "преследовании красоты" и "запечатлении красоты" с помощью своих камер. Но! Согласилась ли я на то, чтобы меня снимали? Преследовать? Правда! Что за зверь

занимается подобными вещами? Как только они видят модно одетую женщину, они бесстыдно подходят к ней и настаивают на том, чтобы сфотографировать ее. А если женщина отказывается, они преграждают ей путь и настаивают еще сильнее. И оттолкнуть их нельзя, потому что они старые! Так вот, скажите мне. Если это не домогательство, то что?

Бутылка лимонада уже давно была брошена на стол, так и не открытая. Минг Шу поднял ее, открыл крышку и поставил бутылку обратно перед Вэнь Яо.

— Спасибо, — сказала Вэнь Яо. Она все еще тяжело дышала, ее грудь заметно вздымалась и опускалась.

— Не за что. — Минг Шу сверкнул джентльменской улыбкой. — Когда вы спорили с тем стариком, вы думали, что это противостояние будет опубликовано в Интернете?

Вэнь Яо молчала долгое время. Затем она поджала губы, а затем изогнула рот в самодовольной улыбке:

— Я знала, что так и будет.

— О?

— Я сделала это специально, — сказала она.

Возможно, потому что сидящий перед ней детектив казался таким обаятельным и надежным, но, как бы то ни было, Вэнь Яо сразу же выложила всю правду:

— Честно говоря, убежать от этого человека было бы несложно. И это был не первый раз, когда ко мне подходил такой человек. Обычно я просто ухожу. Но за день до этой встречи я уже была готова сорваться. Один мужчина в доме престарелых, тоже лет шестидесяти или около того, вел себя со мной крайне неподобающе. Он все время смотрел на меня такими развратными глазами. Он заставлял меня кормить его таблетками и даже заставил меня выйти с ним в сад и принять всевозможные отвратительные позы, чтобы он мог меня сфотографировать. Мы — частный дом престарелых, и то, чем мы гордимся, — это хорошее обслуживание, поэтому я... я не могла отказаться. Если бы я отказалась, он бы подал жалобу моему начальнику. Только в прошлом месяце на другую медсестру подали жалобу, и она была отстранена от работы без сохранения заработной платы. Я не такая, как она. Я мать-одиночка. Я не могу позволить себе остаться без зарплаты.

Минг Шу нахмурился.

— На следующий день после того, как этот старик домогался меня на работе, — продолжала Вэнь Яо, — у меня был выходной, и я взяла свою дочь в магазин за новой одеждой. Именно тогда я столкнулась с тем старым уличным фотографом. Когда он направил свою камеру на

мою малышку, я просто взорвалась. Я больше не могла сдерживать свой гнев. Как будто моя ярость, которая копилась и копилась, наконец-то нашла выход.

Вэнь Яо глубоко вздохнула.

— В то время вокруг нас было много людей. Я знала, что если я только подниму шум и немного покричу, все эти люди бросятся к нам, чтобы сделать фотографии и видео. Потом они выложат их в Интернет. Поэтому я защитила свою дочь и позвала на помощь, одновременно споря со стариком. Но старик не сдавался даже тогда! Он продолжал говорить, какая милая у меня дочь, и настаивал, что просто обязан нас сфотографировать.

— Все эти споры и пинки между вами и стариком, — сказал Минг Шу. — Это все было записано.

— Точно! Все! — Зрочки Вэнь Яо, казалось, плясали на свету, мерцая от очередной вспышки гнева. — Очень скоро после этого я увидела в Интернете сообщения обо мне и том старике. Все соглашались, что старик был виноват. Некоторые из них были... возможно, даже слишком неуважительными, но прошло совсем немного времени, прежде чем все сообщения были удалены.

— Вы были расстроены из-за этого? Из-за того, что сообщения удалили? — спросил Минг Шу.

— Расстроилась? — Вэнь Яо покачала головой. — Я уже была довольна. Если бы сообщения не были удалены, люди могли бы устроить "охоту" на этого старика. Если вы не возражаете, детектив, возможно, вы не понимаете, что такое интернет.

Минг Шу кивнул, чтобы она продолжала, показывая, что ему действительно требуется более подробное объяснение.

— Когда подобные вещи слишком накаляются в Интернете, ситуация может обостриться в мгновение ока, — сказала Вэнь Яо. — Остановить все это до того, как кто-то станет объектом домогательств, — это хорошо. Если бы люди начали "охоту" на старого фотографа, это было бы незаконно. Мало того, я могла бы тоже оказаться втянутой во всю эту историю, если бы они раскрыли и мою личность. Я просто хотела выплеснуть свое разочарование и проучить этого старика. Не было никакой необходимости делать из этого нечто большее.

Минг Шу улыбнулся.

— Охота на человека — это было бы слишком, да.

Только после того, как она закончила рассказывать всю свою историю и выпила половину бутылки лимонада, ей пришлось в голову... что она, возможно, сказала слишком много.

Многие люди не очень хорошо умели контролировать свои слова и эмоции. Когда слушатель давал им нужные подсказки, они были склонны выплеснуть все, что у них на уме. Только после того, как они высказались, они понимали, что, возможно, сказали что-то лишнее.

Вэнь Яо вдруг забеспокоилась и посмотрела на Минг Шу.

Минг Шу, в свою очередь, ответил со слабой улыбкой.

— Из ваших друзей и родственников, сколько человек знают об этом инциденте?

Вэнь Яо немного подумала.

— Они все знают.

"Все" — это был очень широкий диапазон. Минг Шу встал; на данный момент у него не было других вопросов.

— Спасибо, что пришли поговорить с нами сегодня.

Вэнь Яо выдохнула и тоже встала.

— Я до сих пор не понимаю, зачем меня сюда позвали. Это из-за этой "охоты на человека"?

Минг Шу несколько секунд смотрел ей в глаза, а потом покачал головой. Маленькая, непостижимая улыбка заиграла в уголках его губ.

— Не волнуйтесь. Просто обычная проверка.

Расследование снова зашло в тупик. Не было недостатка в людях, у которых был мотив убить Ло Сянфу, но они были исключены из числа подозреваемых один за другим, когда выяснилось, что у них не было ни средств, ни возможности совершить преступление.

Что касается инцидента с принудительной уличной съемкой, то интернет действительно был взбудоражен видеороликом с Ло Сянфу. Но с тех пор прошел год. Найти кого-то из той толпы, кто захотел бы убить Ло Сянфу, сейчас не представлялось возможным. Даже найти несколько человек, которые вообще помнят об этом инциденте, было бы непросто.

— Вэнь Яо в порядке? — спросил Фан Юаньхан. — Люди, которые видели эту историю в интернете, возможно, уже забыли о ней, но Вэнь Яо принимала в ней непосредственное участие. Она бы не забыла об этом так просто.

— На тебя повлияло ее признание, — заметил Минг Шу.

Фан Юаньхан почесал голову.

— Она действительно намеренно подстрекала зрителей фотографировать и снимать инцидент.

— Вот почему я сказал, что ты попал под влияние, — сказал Минг Шу. Он бросил чайный пакетик в свою чашку. — Ну и что, что она подстрекала зрителей снимать? Разве Ло Сяньфу не поставил ее в трудное положение?

Сморщив нос и нахмутив брови, Фан Юаньхан на мгновение погрузился в глубокую задумчивость.

— ...это правда.

— Тогда в этом случае она была жертвой, — сказал Минг Шу. — Пусть и не та, которую можно считать "идеальной" жертвой. Но тот факт, что она повлияла на посторонних, чтобы те записали преследование, не является достаточно существенным, чтобы подозревать ее в убийстве.

— Значит, она вообще не является подозреваемой?

— В моих глазах — нет. Но мы можем начать тщательное расследование в отношении ее близких друзей.

— Понял! Я все немедленно организую.

— Она сказала одну вещь, которая привлекла мое внимание, — сказал Минг Шу, сузив глаза. — "Когда эти люди стареют, они становятся монстрами". Интересно, тот, кто убил Ло Сяньфу, чувствовал то же самое?

Фан Юаньхан вздрогнул от этой мысли.

— То есть они думали, что избавляют мир от зла?

Минг Шу как раз собирался набрать воды для чая, когда услышал, как Син Му неохотно, заикаясь, позвал его:

— Капитан... капитан Минг..?

Тяжело вздохнув, Минг Шу повернулся и увидел Син Му у двери.

— Брат Син, сколько раз я говорил тебе не называть меня так? Что за дела с "капитаном" тут и "капитаном" там? Разве ты не мой дедушка?

Минг Шу, конечно, только подтрунивал. Но Син Му, этот рослый мужчина ростом 180 сантиметров, мгновенно стал ярко-красным.

— Я не твой дедушка! Ты мой...

— О, заткнись, — прервал его Минг Шу, в его глазах мелькнул холодный огонек.

Син Му мгновенно закрыл рот и выглядел соответствующим образом — трусливым и жалким.

— Я... я...

Минг Шу вздохнул, не в силах больше мучить его. Смягчив тон, он спросил:

— Брат Син, зачем я тебе понадобился?

— О, это не я тебя искал, — сказал Син Му, мгновенно выпрямившись и отложив в сторону их личные шутки. — Это заместитель Сяо. Я только что видел его, и он просил передать, что хочет тебя видеть.

Это было почти незаметно, но выражение лица Минг Шу чуть-чуть изменилось.

— Понял. Я пойду к нему прямо сейчас.

<http://bllate.org/book/14859/1321876>